

УДК 811.551 (571.661)

**К ВОПРОСУ О СОХРАННОСТИ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ
В МЕСТАХ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ОСЕДЛЫХ КОРЯКОВ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕДИЦИЙ СОТРУДНИКОВ ИФЛ СО РАН 1991–2006 гг.)**

© Голованева Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири
Института филологии СО РАН.

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

E-mail: gta-77@mail.ru

В статье представлен краткий обзор состояния фольклорной традиции в местах компактного проживания оседлых коряков в начале XXI в. Центральной фигурой, вокруг которой образовался цикл мифологических сказок, продолжает оставаться Большой Ворон Куткыннюку. Сохраняется популярность сюжетов о брачных испытаниях старшего сына Большого Ворона, юноши Амакута, однако сами сюжеты упрощаются. Многоэтапное развитие сюжетного действия, характерное для корякской повествовательной традиции начала XX в., в настоящее время утрачивается. Сюжеты дробятся: эпизоды начинают бытовать как отдельные законченные сказки. Упрощается образная система. Количество персонажей сокращается до 5–7. Из текстов сказок исчезают имена второстепенных персонажей, устойчиво сохраняются только имена главных персонажей Вороньего эпоса. В устном бытовании появляются тексты, возникшие под влиянием русского фольклора, а также под влиянием книжной культуры.

Ключевые слова: коряки, фольклор коряков, сказки, персонаж, мифологический эпос.

**ON THE QUESTION OF FOLKLORE TRADITIONS PRESERVATION
IN THE PLACES OF COMPACT RESIDENCE OF MARITIME KORYAKS
(THE RESULTS OF EXPEDITIONS OF EMPLOYEES OF IPL SB RAS 199–2006)**

Tatyana A. Golovaneva

PhD, research fellow of Department of Siberian folklore, Institute of Philology, Russian Academy of Science.

8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia

The article presents a brief review of folklore traditions in the places of compact residence of settled Koryaks in the beginning of the 21st century. The central figure, around which the mythological cycle of tales was formed, continues to be a Large Crow Qutkynnyaku. The popularity of stories about marriage tests the eldest son of a Large Crow, Amakut remains, but the stories themselves are simplified. Multi-stage development of the scene of action, characteristic of the Koryak narrative tradition of the early XX, now lost. The plots are being crushed: episodes begin to prevail as a separate complete stories, image system is being simplified. The number of characters is reduced to 5–7. From the texts of fairy tales disappear the names of minor characters, steadily kept only the names of the main characters Raven epic. In folklore form the texts appear, which arose under the influence of Russian folklore, as well as under the influence of book culture.

Keywords: Koryaks, Koryak folklore, fairy tales, character, mythological epos.

Изучение фольклора аборигенных народов Камчатки связано с экспедиционной деятельностью В. И. Иохельсона [6, р. 125–340] и В. Г. Богораза [5, р. 12–102]. Коллекция фольклорных текстов, собранная исследователями, позволяет судить о том, какой была повествовательная культура коряков в начале XX в. За сто лет произошли кардинальные изменения в традиционной системе хозяйствования коряков, в их социальной организации. Изменилось само мировосприятие людей, что, конечно, нашло свое отражение в фольклорной традиции. Как изменился фольклор оседлых коряков за последние сто лет можно увидеть, обратившись к фольклорным записям начала XX и начала XXI в.

Масштабное исследование фольклорной традиции оседлых коряков в начале XXI в. было проведено сотрудниками Института филологии СО РАН (г. Новосибирск). Институт филологии в этом направлении работает с 1991 г. С 1991 по 2006 гг. состоялось 6 экспедиций на п-ов Камчатка. В 1991 г. – пос. Оссора (А. Мальцева); в 1992 г. – пос. Оссора, пос. Палана (совместная экспедиция Новосибирской консерватории и ИФЛ: Ю. Шейкин, А. Соктоев). Материал, собранный в ходе этой экспедиции, долгое время хранился не только не расшифрованным, но и вообще не описанным, так как непосредственно у самих участников экспедиции не было лингвистической квалификации, чтобы

проанализировать записанный ими материал. Пленочные аудиозаписи экспедиции 1992 г. были расшифрованы ведущим сотрудником сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН А. Мальцевой совместно с носителями аляutorского языка. В 2000 г. состоялась экспедиция в пос. Оссора, с. Тымлат (А. Мальцева); в 2004 г. – в пос. Тиличики, с. Вывенка, с. Хаилино (А. Мальцева, Г. Солдатова, К. Сагалаев, А. Гомбожапов, Е. Крупич); в 2005 г. – в пос. Оссора, с. Тымлат (А. Мальцева); в 2006 г. – в пос. Палана, с. Лесная (А. Мальцева, Е. Исмагилова, А. Гомбожапов, К. Сагалаев).

Фонд расшифрованных с аудиозаписи и переведенных на русский язык текстов составляет 149 единиц [1]. Все тексты были расшифрованы и переведены Аллой Александровной Мальцевой совместно с носителями аляutorского языка. Тексты записаны на трех диалектах, от 24 исполнителей. Таким образом, сотрудниками Института филологии собран материал, отражающий процесс реального бытования фольклора оседлых коряков на рубеже XX и XXI вв.

Как показывают фольклорные материалы начала XX в., ядро палеоазиатского мифологического цикла составляли сюжеты о Большом Вороне, Куткыннюку. В мифологических сказках Ворон выступал не только в роли демиурга, создателя, но и трикстера, для которого характерно трюкачество, создание комических ситуаций [4, с. 219].

Фонд сюжетов, в которых Куткыннюку действует как плут, трикстер, по сравнению с материалами начала XX в. значительно уменьшился. В настоящее время наиболее известны следующие сюжеты о Куткыннюку-трикстере: Куткыннюку (Старуха-злой-дух) ловит мышей в женские штаны, Куткыннюку женится на женщине-какашке, Куткыннюку запрягает рыбу в нарту.

Сюжеты, имеющие явный анатомический уклон, построенные на противопоставлении 'верха' и 'низа' в избытке были зафиксированы В. И. Иохельсоном у коряков в начале XX в. [6, text 25, p. 168; text 31, p. 179]. Анализируя особенности палеоазиатского мифологического эпоса, Е. М. Мелетинский отметил: «Анально-половая сфера специально эксплуатируется в палеоазиатской, особенно корякской мифологии для разработки «карнавальной» фантастики, для создания комического эффекта» [4, с. 125]. Под влиянием современных представлений о 'приличном' и 'неприличном', корякские сказки 'окультурируются', поэтому к настоящему времени практически утрачены сюжеты, построенные на противопоставлении телесного верха и низа.

Изменение социальных норм, резкое осуждение инцеста повлекло за собой практически полное исчезновение сюжетов о бракосочетании близких родственников. Инцест осуждался и в традиционной культуре коряков начала XX в., но это осуждение служило основой для формирования сюжета. В сказке «Как Эмэкут женился на своей сестре» главный герой Эмэкут женится на девушке, не зная, что она – его родная сестра. Все герои мифологической сказки резко осуждают его: «Утки сказали ему [сыну Эмэкута и Инианэвыт, родных брата и сестры]: «Ты стреляешь в нас, а твой отец – брат твоей мамы. <...> С тех пор все оленные люди узнали об этом. И Завистник сказал: «Давайте сходим посмотрим на Эмэкута, который женился на своей сестре» [6, p. 24]. В современных фольклорных записях тема инцеста практически полностью исключается, становится табуированной. Однако отголоски этого сюжетобразующего мотива сохраняются в комическом сюжете о превращении Куткыннюку в женщину. Превращенная женщина привлекает внимание лучшего жениха корякской мифологии, старшего сына Большого Ворона, юношу Амамкута. Амамкут, не зная, что перед ним превращенный отец, сватается [1, тексты 56, 114, 128]. Трикстерская выходка Куткыннюку служит основой создания комического эффекта, инцест как асоциальный поступок в этом сюжете не актуализирован, вытеснен комическими деталями изображения. Изначально в корякской мифологии половая амбивалентность Большого Ворона была связана с его шаманской природой: «Ворон совершает (в мифах как индейцев, так и палеоазиатов) попытки переменить свой пол, выйти замуж и т. п. Мотив этот сопоставим с шаманством превращенного пола. Но он также указывает и на медиативную функцию между мужским и женским началом» [4, с. 114].

В настоящее время сюжет о превращении Большого Ворона в женщину совершенно лишен отсылок к шаманской практике. Превращение Большого Ворона в женщину теперь воспринимается только как комическая ситуация и не более. Шаманизм на протяжении всего советского времени подвергался преследованию, поэтому такой атрибут шаманской практики, как амбивалентность пола, со временем был вытеснен из реальной жизни, а затем, как следствие, вытеснен и из повествовательной системы. Однако в корякской заговорной традиции до настоящего времени фигура Большого Ворона позиционируется как исцеляющая.

В ходе экспедиции 2004 г. в с. Вывенку сотрудниками института от Анны Егоровны Мулитки, 1926 г. р., были записаны тексты корякских заговоров от ран [1, текст 31], от ушибов [1, текст 32], заговор на рыбу [1, текст 30]. Заговоры представляют собой небольшие повествования о Большом

Вороне. Приведем начальный фрагмент из заговора на рыбу: «Мити и Куткыннюку (говорят): «Нет рыбы. Что же нам делать? Потащим рыбу.» Делают деревянную лопату, похожую на деревянную ложку. Если убьют горбушу, жабры снимают и икру нанизывают» [1, текст 30].

Экспедиционные материалы показывают, что современная корякская заговорная традиция по-прежнему связана с мифологическими сюжетами Вороньего цикла. Хотя рассказчики говорят о том, что воспринимают Большого Ворона Куткыннюку как сказочного персонажа. Заговорные тексты, записанные в начале XXI в., в совокупности с записями начала XX в. составляют единую систему [2]. Можно говорить о том, что в корякской повествовательной культуре заговорные тексты наименее подвержены изменениям. В корякской культуре при передаче текста сказки рассказчик свободен в выборе деталей изображения, в актуализации того или иного этапа повествования, однако заговорный текст по самой своей функции предполагает точность воспроизведения.

Среди современных записей выделяется круг традиционных сюжетов, в которых Куткыннюку выступает в роли создателя и патриарха: Как Куткыннюку улучшил погоду [1, тексты 95, 129]; война Куткыннюку с семьей Волков [1, тексты 79, 99, 103]. Эти сюжеты можно поставить в один ряд с сюжетами начала XX в., в которых Большой Ворон изображается как шаман, при этом, как отмечает А. А. Гончарова, в этих сюжетах «ощутимы следы тотемизма и промыслового культа» [3, с. 204].

Роль патриарха, создателя понятна современным рассказчикам значительно более, нежели роль плута-трикстера. В настоящее время появляются новые сюжеты, в которых Куткыннюку выступает именно как создатель. В частности, сотрудники Института филологии записали сюжет о том, как Большой Ворон создал комаров: «Куткыннюку рассердился на людей. Скатал со своего тела грязь, велел ей стать комарами и кусать людей» [1, текст 50]. Этот сюжет не имеет вариантов ни в синхронном, ни в диахронном аспектах, что позволяет предполагать его авторское происхождение. Традиция не угасает, как бы приобретает несколько иной ракурс. Появляются нео-этиологические (авторского происхождения) мифологические сказки, которые представляют собой единичные записи, не имеющие вариантов, но с явно выраженными этиологическими мотивами. Например, текст «Почему у лисы шкура красивая». Согласно этому сюжету, Куткыннюку приносит голодающей Лисе жир, вылив его в нору, он пачкает шкурку-кухлянку лисы, после чего у нее начинает расти новая, красивая, рыжая шерсть [1, текст 104]. Этот сюжет не имеет вариантов. Исконные мифы о творении, зафиксированные В. И. Иохельсоном в начале XX в. и имеющие аналоги среди мифов североамериканских индейцев, судя по современным экспедиционным материалам, у оседлых коряков не сохранились.

Один из популярных, традиционных фольклорных сюжетов повествует о том, как Краб повез Куткыннюку к подводным жителям, где Большого Ворона кормили жиром, но пить не давали до тех пор, пока он не пообещал подводным жителям отдать им свою дочь в качестве невесты. В архиве института имеется три варианта этого сюжета: зап. в 2004 г. в с. Хаилино от Тамлетнавы Матрены Павловны, 1928 г. р. [1, текст 70]; в 2005 г. – в пос. Оссора от Притчиной Марии Иннокентьевны, 1918 г. р. [1, текст 63]; в 2006 г. – в пос. Палана от Белоусовой Варвары Кондратьевны, 1930 г. р. [1, текст 135].

На примере этих вариантов хорошо видно, как меняется фольклорная традиция. Для всех трех вариантов едина сюжетная линия, характерно изображение архаического быта оседлых коряков. Главное отличие заключается в особенностях образной системы. Немногие рассказчики могут позволить себе перечисление персонажей по именам. Имена персонажей – это специфическое знание, передача которого возможна только в ходе активного бытования устной традиции. В тексте Белоусовой Варвары Кондратьевны, 1930 г. р., по именам названо 5 персонажей, в тексте Матрены Павловны Тамлетнавы, 1928 г. р., – 6 персонажей, в варианте, записанном от Притчиной Марии Иннокентьевны, 1918 г. р., по именам названо (!) 23 персонажа. Видна тенденция: сюжет сохраняется, сохраняется детализация эпизодов, но исчезают имена второстепенных героев сказки. Именно образная система, в первую очередь подвергается редукции.

В 2005 г. А. А. Мальцева записала 11 текстов от Притчиной Марии Иннокентьевны, 1918 г. р. Без этих текстов совершенно невозможно было бы сопоставить образцы современного корякского фольклора с теми записями, которые делал В. И. Иохельсон в 1901 и 1908 гг. Судя по его фонду, мир корякских мифологических сказок был насыщен огромным количеством персонажей, сюжеты были многоэпизодными. Тексты на алюторском языке, записанные от Притчиной Марии Иннокентьевны служат документированным свидетельством той сложной, архаической фольклорной корякской традиции, о которой мы можем судить по записям начала XX в.

Большинство рассказчиков, от которых записан основной фонд фольклорных текстов рубежа XX–XXI вв., родились в конце 1930-х – начале 1940-х гг., среднее число персонажей сказок, записанных

от рассказчиков этого поколения, – около 6. Качественно отличаются тексты, записанные от Мулинаут Дарьи Андреевны и Притчиной Марии Иннокентьевны, обе 1918 г. р.: их сказки обладают очень сложной разветвленной сюжетной линией, сложной образной системой. В их исполнении тексты представляет собой длинную цепочку эпизодов. Как сказала Притчина Мария Иннокентьевна: «Это длинная сказка, не могу рассказать, дли-и-инная, я рассказываю по незнанию-то, всегда, выступая, рассказываю отрывки. А если на самом деле рассказывать, то длинно». «Отрывок», который рассказала Мария Иннокентьевна, в расшифрованном виде составил 54 страницы.

Одна из магистральных сюжетных линий, объединяющая все эпизоды, – женитьба старшего сына Куткыннюку. В корякском фольклоре роль главного жениха жестко закреплена за старшим сыном Большого Ворона – Амамкутом. Амамкут в поисках жены путешествует по разным мирам, женится на разных женщинах из мира природы, из мира животных, из человеческого мира. Эпизоды, составляющие только одно какое-либо звено целой цепочки брачных приключений Амамкута, в современной фольклорной традиции оседлых коряков оформляются как отдельные самоценные фольклорные сказки. Упрощается образная система. Из повествования исчезают второстепенные герои, забываются их имена. Однако не следует говорить об угасании фольклорной традиции. Судя по количеству и качеству записей, сделанных сотрудниками института, фольклорная традиция жива. Конечно, она меняется, но фольклорная система по самой своей природе предполагает эти изменения. С одной стороны, свое влияние оказывает русская культура. Есть целый ряд сказок, которые сформировались под влиянием русской сказочной традиции: «Царь», «Сопливый Иван Царевич», «Как Иван Царевич посадил мать в петлю», «Иван Царевич». Эти сказки нужно изучать и публиковать отдельным сборником, так как русские сюжеты в них наполняются деталями, соотносимыми с фольклорной традицией и бытом коряков.

Приведем фрагмент сказки «Иван Царевич»: «У Ивана Царевича много старших братьев. Красивые люди. А Иван Царевич всегда был в засохших соплях, весь в соплях. Потом отец умер. Сыновьям сказал: «Три раза приходите на могилу, когда я умру. Трижды приходите на могилу». <...> Утром снова говорит Иван Царевич старшим братьям: – Давайте снова пойдем на место сожжения отца. Нам сказали трижды приходите. – Страшно туда постоянно ходить. Страшно. Иди один, пусть тебя съест [злой дух]» [1, текст 23]. Согласно корякским верованиям, категорически запрещено приходиться на место сожжения умершего, иначе злой дух умершего может забрать приходящих.

Появились устные тексты, которые возникли в результате влияния книжной традиции. В частности, публикация авторских произведений корякского писателя Кирилла Килпалина послужила началом формирования устных текстов: «Девочка и море», «Аня» [1, тексты 47, 46]. В этих текстах актуализированы дидактические мотивы, что для корякского фольклора начала XX в. было абсолютно не свойственно.

Определенную роль в поддержании устной фольклорной традиции играют экспедиционные исследования, а также публикация текстов. Само бытование фольклора, когда параллельно появляются опубликованные варианты сказок, становится несколько иным, но в любом случае это естественный процесс.

Сведения о фольклорных текстах, использованных в статье

В процессе работы был использован архив А. А. Мальцевой: архив фольклорных текстов, записанных в ходе экспедиций 1992–2006 гг. [1]. Все тексты расшифрованы с пленочных и цифровых аудиозаписей и переведены на русский язык ведущим научным сотрудником сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН Аллой Александровной Мальцевой при участии коряков-алюторцев, владеющих родным языком.

Текст 23 – Рассказала Дарья Андреевна Мулинаут, 1918 г. р., уроженка с. Вывенка. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии А. И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Тексты 30, 31, 32 – Рассказала Анна Егоровна Мулитка, 1926 г. р., уроженка с. Вывенка. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии А. Е. Мулитка в с. Вывенка в 2004 г.

Тексты 46, 47, 50 – Рассказала Анна Петровна Пастущена-Косыгина, 1945 г. р., уроженка с. Култушное. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в пос. Тиличики в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии А. П. Пастущеной-Косыгиной в с. Култушное в 2004 г.

Текст 56 – Рассказала Анна Ивановна Попова, 1953 г. р., уроженка с. Уйвынваям. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой в с. Вывенка в 2004 г.

Текст 63 – Рассказала Мария Иннокентьевна Притчина, 1918 г. р., уроженка с. Анапка. Записано А. А. Мальцевой в пос. Оссора в 2005 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии Л. И. Чечулиной в г. Елизово в 2009 г.

Текст 66 – Рассказала Мария Иннокентьевна Притчина, 1918 г. р., уроженка с. Анапка. Записано А. А. Мальцевой в пос. Оссора в 2005 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии В. М. Кириченко в пос. Оссора в 2007 г.

Текст 70 – Рассказала Матрена Павловна Тамлетнава, 1928 г. р., уроженка с. Анапка. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Хаилино в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой в г. Новосибирске в 2004 г.

Текст 79 – Рассказал Василий Николаевич Чечулин, 1942 г. р., уроженец с. Анапка. Записано совместной экспедицией ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в пос. Оссора в 1992 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии А. И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Тексты 95, 99 – Рассказала Матрена Григорьевна Жукова, 1942 г. р., уроженка с. Рекинники. Записано А. А. Мальцевой в с. Тымлат в 2005 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии Л. В. Тына в пос. Оссора в 2007 г.

Тексты 103, 104 – Рассказала Татьяна Васильевна Котавынина, 1933 г. р., уроженка с. Рекинники. Записано А. А. Мальцевой в с. Тымлат в 2000 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии Н. Н. Нестеровой в с. Тымлат в 2005 г.

Текст 114 – Рассказала Ирина Егоровна Нестерова, 1933 г. р., уроженка с. Подкагерная. Записано А. А. Мальцевой в с. Тымлат в 2005 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии Н. Н. Нестеровой в с. Тымлат в 2005 г.

Тексты 128, 129 – Рассказала Варвара Кондратьевна Белоусова, 1930 г. р., уроженка с. Лесная. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в пос. Палана, в 2006 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии Е. Г. Ягановой в пос. Палана в 2007 г.

Текст 135 – Рассказала Варвара Кондратьевна Белоусова, 1930 г. р., уроженка с. Лесная. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в пос. Палана, в 2006 г. Аудиозапись расшифрована А. А. Мальцевой при участии Е. Г. Ягановой в с. Лесная в 2007 г.

Text 25 – Рассказала оленная корячка Ту'kken, текст записан В. И. Иохельсоном на реке Тополевка 13 апреля 1901 г., опубликован в переводе на английский язык [6].

Text 31 – Рассказала оленная корячка Qaiciva'nten, текст записан В. И. Иохельсоном на реке Тополевка 17 апреля 1901 г., опубликован в переводе на английский язык [6].

Литература

1. Архив корякских фольклорных текстов / собр. и пер. А. А. Мальцевой. 1040 с.
2. Голованева Т. А. Корякские заклинательные формулы *эвъянвину*: сюжет, композиция, бытование // Традиционная культура. – 2006. – № 2(22). – С. 22–29.
3. Гончарова А. А. Мифология и фольклор коренных народов Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. – 294 с.
4. Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. – М.: Изд-во РГГУ, 2008. – 572 с.
5. Bogoras W. Koryak texts. – Leyden, 1917.
6. Johelson W. The Koryak. – Leyden, 1908.

References

1. *Arhiv koryakskih folklornyh textov / sobr. A. A. Maltsevoy* [Koryak folklore texts, collected by A.A. maltseva].
2. Golovaneva T. A. Koryakskie zaklinatel'nye formuly ev'janvynu: syuzhet, kompozitsiya, bytovanie [Koryak conjurations: plot, composition, existence]. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional culture*. 2006. No 2 (22). Pp. 22–29.
3. Goncharova A. A. *Mifologia i folklor korenykh narodov Kamchatki* [Mythology and folklore of aboriginal Kamchatka people]. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State University named by V. Bering, 2014. 294 p.
4. Meletinsky E. M. *Izbrannye stat'i. Vospominanya* [Selected articles. Memoirs]. Moscow: RSHU, 2008. 572 p.
5. Bogoras W. Koryak texts. Leyden, 1917.
6. Johelson W. The Koryak. Leyden, 1908.